

«С ЖИВОЙ КАРТИНЫ СПИСОК БЛЕДНЫЙ»: ОБ АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» А.С. ПУШКИНА

Н.М. Нестерова,
Пермский национальный
исследовательский
политехнический университет

Статья посвящена «непереводимости» романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», причинам, ее обуславливающим, а также истории перевода пушкинского произведения на английский язык, насчитывающей около 40 англоязычных версий «Евгения Онегина». Рассматриваются два разных метода перевода, известных в науке о переводе как *foreignization* и *domestication*, а также стихотворные и прозаические переводы пушкинского текста.

Ключевые слова: перевод, переводимость, метод перевода, фореинизация, доместикация, стихотворный перевод, прозаический перевод.

Elusive Pushkin!
В. Набоков

Хорошо известно, что творчество А.С. Пушкина, к нашему большому сожалению, далеко не так знакомо англоязычному читателю, как, например, произведе-

ния Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Считается, что основная причина такого «незнания» заключается в больших трудностях перевода его поэтиче-

ских произведений на английский язык. Как отмечает американский исследователь Р. Лорд, Пушкин для России не менее значим, чем Шекспир для англоязычного мира, но если произведения Шекспира выдерживают перевод на другие языки, то поэзия Пушкина при этом теряет почти все, ибо его поэзия просто неотделима от стихии русского языка. Здесь уместно вспомнить слова Э. Сепира, который, рассуждая о переводимости / непереводимости литературного текста, указывал на существование двух различных видов или уровней искусства: одно из них – «обобщающее, внеязыковое искусство, доступное передаче без ущерба средствами чужого языка», и второе – «специфически языковое искусство, по существу непереводаемое». Далее он пояснял: «Литература движется в языке как в своем средстве, но это средство обнимает два пласта: скрытое в языке содержание – нашу интуитивную регистрацию опыта, и особое строение данного языка – специфическое <как> этой нашей регистрации опыта. Литература, которая питается по преимуществу (никогда полностью) низшим пластом, – скажем пьеса Шекспира, переводима без всякого ущерба для своего содержания. Если же литература движется более по верхнему, чем по низшему, уровню – хороший пример являет лирика Суинберна, – она фактически непереводаема» [3, с. 196]. Если следовать такому делению литературы, то, видимо, нужно признать, что пушкинские поэтические тексты относятся к «специфически языковому искусству» и остаются непереводаемыми, а значит, и мало читаемыми в англоязычном мире, о чем и свидетельствует «признание» Дугласа Хофштадтера, из-под пера которого в 1999 г. вышел очередной перевод «Евгения Онегина». В предисловии к своему переводу он пишет: «When, some time in my dim past,

I first heard the "Eugene Onegin", it was as the title of a Tchaikovsky opera. The name "Alexander Pushkin" was nowhere in sight, nor was the idea of poetry. And in recent years I have found, over and over again, that my experience is pretty typical, outside of Russia». И это говорит человек образованный, которого можно отнести к интеллектуальной элите американского общества (физик и информатик по образованию, сын лауреата Нобелевской премии Роберта Хофштадтера, руководитель Центра по изучению творческих возможностей человеческого мозга). Что же в такой ситуации можно ожидать от так называемого массового читателя? Конечно, он Пушкина не читает и не знает, ему (в лучшем случае) знакомо только имя поэта.

Однако «непереводимость» и «нечитаемость» Пушкина не уменьшают желания переводчиков его переводить, и, конечно, в первую очередь делаются все новые и новые попытки перевести «Евгения Онегина», самое главное творение поэта, многие строки которого давно обрели статус прецедентных в русскоязычном текстовом пространстве – они помнятся и постоянно цитируются, обладая мощнейшей аллюзивностью. И именно такие строки в англоязычном переложении, как правило, вызывают самое большое неприятие и разочарование у русского читателя. Достаточно сравнить практически любые из наиболее известных пушкинских строк с их англоязычными вариантами, чтобы сразу же согласиться с утверждением В. Уинтера (W. Winter), автора известной работы «Impossibility of Translation», который говорил, что переводчики всегда «doomed to fail» (обречены на провал). Приведем несколько таких известных строк и их англоязычные версии в переводе Оливии Эммет и Светланы Макуренковой [2]:

<p>Быть можно дельным человеком И думать о красе ногтей, К чему бесплодно спорить с веком? Обычай деспот меж людей.</p>	<p>One well could be an active man And yet aware of tidy nails: Is not dispute with fashion vain? For mankind its dictate prevails.</p>
<p>Ах, ножки, ножки! Где вы ныне?..</p>	<p>Ah, tiny feet! Ah, tiny feet! Where are you now?</p>

Шалун уж заморозил пальчик: Ему и больно и смешно, А мать грозит ему в окно.	The rascal's finger 's frozen quite: It's painful, but it's funny too, His mother warns, at the window.
Люблю их ножки: только вряд Найдете ль Вы в России целой Три пары стройных женских ног.	I love their feet; though hate to say That in all Russia you'll find Three proper sets of ladies' feet.
Итак, она звалась Татьяной.	And so, Tatyana was her name.
Любви все возрасты покорны	To love all ages do submit.
Они сошлись.	They met.

Представляется, что примеры говорят сами за себя и подтверждают справедливость слов не только английского исследователя, но и нашего К.И. Чуковского, который в своей известной и очень критической работе «Онегин на чужбине» с горечью написал: «Что сказать об английских переводах "Евгения Онегина"? Читаешь их и с болью следишь, из страницы в страницу, как гениально лаконическую, непревзойденную по своей дивной музыкальности речь одного из величайших мастеров этой русской речи переводчики всевозможными способами превращают в дешевый набор гладких, пустопорожних, затасканных фраз» [3, с. 246]. Итак, приговор английскому «Юджину Онегину» был вынесен, но переводы продолжают выполняться, и каждый переводчик по-своему отвечает на challenge гениального пушкинского текста.

История переводов «Евгения Онегина» на английский язык начинается в 1881 году, когда в Лондоне был опубликован перевод Генри Сполдинга. С тех пор англоязычная «Онегиана» постоянно пополняется новыми версиями, но ни одна из них не может претендовать на конгениальность пушкинскому тексту, в котором самая высокая поэзия сочетается с тем, что было названо В.Г. Белинским «энциклопедией русской жизни», и жанр которого был обозначен самим Пушкиным как «роман в стихах». Как передать и стиховую составляющую, и романную, и энциклопедическую? Все передать невозможно, и переводчику приходится делать выбор: чем

жертвовать? Уместно вспомнить слова нашего выдающего переводчика М. Лозинского, который говорил, что перевод – это «искусство потерь». В поэтическом переводе это искусство становится особо трудным, и немногие им овладевают.

Согласно традиции, которая сложилась в поэтическом переводе, есть два противоположных метода перевода стихотворного текста: переводить стихи стихами и переводить стихи прозой (Т. Сейвори). На выбор одного из этих методов и указывал К.И. Чуковский, когда писал о возможности (точнее, невозможности) перевода пушкинского текста. Он считал, что каждый переводчик, взявшийся переводить «Евгения Онегина», может «либо удовлетвориться точным воспроизведением сюжета и совершенно позабыть о художественной форме, либо создать имитацию формы и снабдить эту имитацию обрывками смысла, убеждая и себя, и читателей, что такое искажение смысла во имя сладкозвучия рифм дает переводчику возможность наиболее верно передать "дух"» [3, с. 328].

Как уже отмечалось, «непереводимость» гениального текста Пушкина не останавливает переводчиков, и на сегодняшний день насчитывается около 40 переводов «Евгения Онегина» на английский язык, выполненных носителями как английского, так и русского языка. В большинстве из этих переводов делается попытка создать именно «имитацию формы» (перевести «стихи стихами»), многие переводчики пытаются воссоздать и известную онегинскую строфу¹.

¹ Известный переводчик Пушкина Уолтер Арндт (Walter Arndt) получил Боллингенскую премию (Bollingen Prize) именно за сохранение онегинской строфы (1964).

Но есть и иной пласт переводов – прозаический, цель которых познакомить читателя именно с содержательной составляющей пушкинского произведения. Среди такого типа переводов можно выделить два. Один из них – это известный перевод В. Набокова². Он был выполнен в 1964 году. Второй принадлежит Р. Кларку и увидел свет в 2005 году. В обоих случаях можно говорить о так называемом *genre switching*, однако цели у переводчиков разные. Набоков создает то, что Х. Гассет назвал «громоздким приспособлением» для знакомства с оригиналом. Это «приспособление» включает в себя почти буквальный перевод-подстрочник и обширнейший детальный комментарий. Набоков-переводчик стремится дать возможность своему читателю (носителю иного языка и иной культуры) увидеть, с одной стороны, как сделан оригинальный текст (буквальный подстрочник), а с другой – показать весь вертикальный контекст пушкинского текста (комментарий). Этот перевод и не претендует на то, чтобы восприниматься как оригинал, это именно тот перевод, который можно

вслед за Гассетом определить как «путь» к Пушкину и его тексту. Такой перевод, несомненно, предназначен для «хорошего читателя» (каким его себе представлял Набоков), далеко не массового. Приведем начало второй («русской») главы романа, эпиграфом к которой Пушкин взял два восклицания: первое из Горация «O rus!...» (О, деревня!), второе «О, Русь!». Под каждой оригинальной строкой приводится перевод Набокова.

Деревня, где скучал Евгений
The country place where Evgegene moped
 Была прелестный уголок;
was a charming nook;
 Там друг невинных наслаждений
there a friend of innocent delights
 Благословить бы небо мог.
Might have blessed heaven.
 Господский дом уединенный,
The manor house, secluded,
 Горой от ветров огражденный,
screened by a hill from the winds,
 Стоял над речкою. Вдали
stood above a river; in the distance,
 Пред ним пестрели и цвели
before it were, variegated and in bloom,
 Луга и нивы золотые,
meadows and golden grainfields;
 Мелькали села; здесь и там
one could glimpse hamlets here and there;
 Стада бродили по лугам,
herds roamed the meadows;
 И сени расширял густые
and its thick coverts spread
 Огромный, запущенный сад,
a huge neglected garden,
 Приют задумчивых дриад.
Retreat of pensive dryads.

Более точный подстрочник трудно себе представить: каждое пушкинское слово находит выражение в английской версии текста. Это действительно «честный перевод», к которому и стремился Набоков. Английские и русские слова становятся двойниками, что позволяет, как от-

² Перевод В. Набокова не является прозаическим в полном смысле, это своего рода ритмическая проза, в которой сохраняется ямбический размер.

мечает Б. Бойд (2004), увидеть за английским (пусть и не всегда правильным) словом пушкинский мир. Намеренная неправильность английских конструкций, непривычность многих слов делают текст Набокова «чужим» для англоязычного читателя, но именно этого и добивается сам переводчик: он, как уже говорилось, не стремится заменить пушкинский текст, он создает некий метатекст, позволяющий увидеть, из чего и как строится оригинал. В данном случае, видимо, можно говорить, что писатель создает особый переводческий инструментарий.

Теперь приведем этот же фрагмент из перевода Р. Кларка:

The place in the country that Onegin found so boring was actually a charming spot. Anyone with a liking for innocent pleasures would have given thanks to Heaven for it. The secluded manor house stood above a river, sheltered from the wind by rising ground. It looked out into the distance over a luxuriant patchwork of meadows and golden cornfields; here and there one glimpsed a small village; herds of cattle browsed in the pictures. Thick and ample shade was afforded by a huge overgrown garden, the likely haunt of pensive wood-nymphs.

Трудно сказать, насколько данный текст может привлечь англоязычного читателя к Пушкину, хотя его автор, как он и написал в своем предисловии к переводу, стремился перевести гениальный поэтический текст только как роман с увлекательным сюжетом, сменив жанр и дискурс. Это не только прозаическое переложение, это еще и упрощение текста, которое автор перевода объясняет стремлением сделать Пушкина «доступным» как раз для массового англоязычного читателя. Именно поэтому из текста перевода убираются почти все отсылки и аллюзии (в то время как Набоков их обязательно сохраняет и объясняет), которые, по мнению Кларка, могут быть непонятными его читателю. Исчезают и имена божеств, которых так много в тексте Пушкина. Сам переводчик пишет: «I have 'demythologised' the prose by avoiding references to particular deities. Where the mythological names stand for for simple nouns, I have used the latter» (Clarke 2005, p. XXXI). Так пушкинские Диана, Флора и Терпсихора исчезают из текста перевода, а вместо них появляются просто девочки/девушки:

Дианы грудь, ланиты **Флоры**
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка **Терпсихоры**
Прелестней чем-то для меня.

My dear friends, the glimpse of a girl's bare breasts or her blossoming cheeks is delightful, I know; but the dainty foot of a lass as she dances is for me somehow more delightful still.

И к такого рода лингвокультурной адаптации переводчик прибегает постоянно, снимая все, как он пишет, 'obscure' отсылки к современным Пушкину литературе, мифологии, театру и т.п. В целом, анализ англоязычной версии, предложенной Р. Кларком, позволяет назвать ее скорее пересказом, чем переводом, причем пересказом для «непросвещенного» читателя.

Итак, переводы В. Набокова и Р. Кларка представляют собой реализацию двух противоположных методов перевода, известных сегодня как фореинизация (foreignization) и доместикация (domesti-

сation), при этом каждый из них предлагает своему читателю «путь» к гениальному русскому тексту (не претендуя на его замену), но это разные пути, и предназначены они для разного читателя. Другие многочисленные (как правило, стихотворные) переводы являются более традиционными попытками (в разной степени удачными и неудачными) найти так называемую «золотую середину» между этими двумя популярными методами перевода.

Из стихотворных переводов самыми признанными считаются переводы, принадлежащие перу Уолтера Арндта (1963), Чарльза Джонстона (1977) и Джеймса Фалена (1995). К ним хочется добавить и перевод Дугласа Хофштадтера, о котором уже упоминалось выше. Работа Хофштадтера над переводом гениального русского текста – это, на наш взгляд, своего рода исследование творческих собственных возможностей, изучением которых он и занимается. В связи с этим большой интерес представляет уже упоминавшееся предисловие к его переводу, где он описывает свой «путь» к Пушкину и его тексту. Приводились и его слова о том, что для него антропоним «Евгений Онегин» был прежде всего названием оперы Чайковского, а не произведения Пушкина. Но в один «прекрасный момент» ему подарили перевод Ч. Джонстона³, при этом он был назван «блестящим». Однако читать подаренный томик Хофштадтер не стал. Какое-то время спустя он сам купил перевод Джеймса Фалена⁴. Так будущий переводчик «Евгения Онегина» стал обладателем двух лучших переводов великого русского текста, но знакомиться с ними он так и не спешил – стояли они у него на книжной полке, пока ему не пришла идея чтения вслух (вместе с женой) параллельно двух переводов (строфа за строфой). В результате они, как он пишет: «got to know both translators' styles, got to know the structure and characters of 'Eugene Onegin', and got to know something of

Alexander Pushkin, to boot. We even felt we could get a slight taste of Russian poetry itself, for between the two translators's ways of phrasing things, details of the original in a certain sense showed through» [6].

Высоко оценив оба перевода, супруги пришли к заключению, что все-таки перевод Фалена им понравился больше, он им показался «smoother, more graceful, and far clearer». Именно этот перевод побудил Хофштадтера учить русский язык, прочитать и выучить наизусть пушкинский текст и, наконец, сделать свой перевод, который, на наш взгляд, можно поставить в один ряд с переводами Ч. Джонстона и Дж. Фалена.

Однако, несмотря на наличие по-настоящему хороших, по-настоящему фундаментальных переводов пушкинского романа в стихах, он, по признанию самих переводчиков, остается «непереведенным» и соответственно «непрочитанным». Так, по словам автора одного из переводов сэра Чарльза Джонстона, переводчикам великого русского текста «удалось сохранить в лучшем случае литературный смысл романа. В остальном он словно отделен от англоязычного читателя *звуконепроницаемой стеной*, за которой остается вся пушкинская магия: смесь трогательной прелести и циничной иронии, психологическая пронизательность, лукавое мастерство повествования и вообще его вкус, его тон, его поза» [8]. Звуконепроницаемая стена особенно ощутима, когда сравниваешь четвертую строфу восьмой главы романа с ее англоязычными версиями. Именно этой строфой восхищался В. Набоков: «Инструментовка первых одиннадцати строк окончательного текста этой строфы поистине изумительна. Аллитерации построены на гласной «а» (так звучит и безударное «о») и согласных «л», «с», «з», «к»: [1, с. 696]. Ниже приводится данная строфа с подстрочным переводом Набокова:

³ Британский дипломат.

⁴ Профессор русского языка и литературы Университета Теннесси.

Но я отстал от их союза
И вдаль бежал... Она за мной.
Как часто ласковая муза
Мне улаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!
Как часто по скалам Кавказа
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне!
Как часто по берегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шепот Нереиды,
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров.

*But I dropped out of their alliance –
and fled afar ... she followed me.
How often the caressive Muse
for me would sweeten the mute way
with the bewitchment of a secret tale!
How often on Caucasia's crags,
Lenoralike, by the moon,
with me she'd gallop on a steed!
How often on the shores of Tauris
she in the murk of night
led me to listen the sound of the sea,
Nereid's unceasing murmur,
the deep eternal chorus of the billows,
the praiseful hymn to the sire of the worlds.*

Разве возможно передать эту блестящую пушкинскую игру внутренних ассоциаций? Очевидно, что нет. Набоков это сознает, поэтому он создает «честный» подстрочник и сопровождает его комментарием, в котором помимо разбора звукописи строфы писатель-переводчик информирует англоязычного читателя о путешествиях Пушкина на Кавказ, в Крым и

Молдавию, раскрывает литературные аллюзии (баллада А. Бюргера «Ленора»), объясняет трудности перевода предлога «по» («по скалам», «по берегам»).

Теперь приведем эту же строфу в стихотворных вариантах, предложенных тремя переводчиками – Джонстоном, Фаленом и Хофштадтером.

Ч. Джонстон	Дж. Фален	Д. Хофштадтер
When I defected from their union and ran far off... the Muse came too. How often, with her sweet communion, she'd cheer my wordless way, and do her secret work of magic suasion! How often on the steep Caucasian ranges, Lenora-like, she'd ride breakneck by moonlight at my side! How oft she'd lead me, by the Tauric seacost, to hear in dark of night the murmuring Nereids recite, and the deep-throated billows' choric hymnal as, endlessly unfurled, they praise the Father of the world.	But soon their circle I abandoned For distant climes... and she with me. How oft, when trav'ling over land and On waterways, the silence she Would break, with magic, secret tales! How oft, on high Caucasian trails Up moonlit slopes, she, like Lenore*, Would share my steed and race, full-bore! How oft, upon the banks of Tauris*, She led me through nocturnal mist To hear the sea that howled and hissed – The Nereids' incessant chorus, The billows' deep and timeless hymn To him who hewed the cosmic rim.	But from that band I soon departed – And fled afar... and she as well. How often, on the course I charted, My gentle Muse's magic spell Would light the way with secret stories! How oft, mid far Caucasia's glories, Like fair Lenore*, on moonlit nights She rode with me these craggy heights! How often on the shores of Tauris*, On misty eyes, she led me down To hear the sea's incessant sound, The Nereids' eternal chorus – The endless chant the waves unfurled In praise of him who made the world.

Представляется, что судить о том, какой перевод лучше, не имеет смысла, поскольку у каждого англоязычного читателя свой вкус и представление о том, каким должен быть перевод⁵. Очевидными же, на наш взгляд, являются два факта. Во-первых, Пушкин, бесспорно, «непереводим» и все переводы являют собой в той или иной степени «с живой картины список бледный» (именно так назвал Пушкин

свой «перевод» письма Татьяны с французского на русский). Во-вторых, переводов «Евгения Онегина», как и других пушкинских поэтических и прозаических текстов, должно быть много, и самых разных, они (переводы) должны дополнять друг друга, образуя в англоязычном культурном пространстве мощное «пушкинское поле», каким в нашей русской культуре является «шекспировское».

⁵ Одним из вариантов оценки может быть тот, который использовал Д. Хофштадтер, т.е. чтение вслух каждого перевода. Но и тут невозможно избежать субъективности.

Библиографический список

1. *Набоков В.В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. – М.: НПК «Интелвак», 1999. – 1008 с.
2. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. На англ. и русск. яз. / Пер. на англ. Оливии Эммет и Светланы Макуренковой. – М.: Река времен, 2009. – 408 с.
3. *Сетир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 2001. – 655 с.
4. *Чуковский К.* Онегин на чужбине // Высокое искусство. О принципах художественного перевода. – М.: Сов. писатель, 1988. – С. 324–344.
5. *Pushkin A.* Eugene Onegin. A Novel in Verse. / Translated from the Russian, with a Commentary by V. Nabokov. – Princeton University Press, 1990.
6. *Pushkin A.* Eugene Onegin. A Novel in Verse / Translated with an Introduction and Notes by James E. Falen. – Oxford University Press, 1995. – 240 p.
7. *Pushkin A.* Eugene Onegin. A Novel in verse / A Novel Versification by Douglas Hofstadter. Basic Books, A Member of the Perseus Books Group, 1999. – 137 p.
8. *Pushkin A.* Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. Everyman's Library Pocket Poets. Alfred A. Knoff. – New York – London – Toronto, 1999. – 240 p.
9. *Pushkin A.* Eugene Onegin and four tales from Russia's southern frontier / Translated into English prose with an Introduction and Commentary by Roger Clarke. Wordsworth Classics of World Literature, 2005. – 306 p.
10. Вокруг Пушкина (Оленев) / Проза.ру — национальный сервер современной прозы. [Электронный ресурс] URL: <http://www.proza.ru/2002/10/04-15> (дата обращения: 23.10.2014)

**«FROM LIVING SCENES, THESE PALLIED NOTES...»:
ON ENGLISH TRANSLATIONS OF «EUGENE ONEGIN» BY A. PUSHKIN**

N.M. Nesterova

The paper is devoted to the "untranslatability" of A.S. Pushkin's novel in verse "Eugene Onegin" and to the reasons causing this untranslatability. The article focuses on the history of translation of Pushkin's work into English which counts about 40 English-language versions of «Eugene Onegin». Two different methods of translation, known in the translation studies as foreignization and domestication, as well as the verse and prose translations of Pushkin's text are considered.

Keywords: translation, untranslatability, translation method, foreignization, domestication, verse translation, prose translation.

Сведения об авторе

Нестерова Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29; e-mail: nest-nat@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 28.10.2014 г.

А.С. Пушкин (1831)

«Мой дядя самых честных правил,
 Когда не в шутку занемог,
 Он уважать себя заставил
 И лучше выдумать не мог.
 Его пример другим наука;
 Но, боже мой, какая скука
 С больным сидеть и день и ночь,
 Не отходя ни шагу прочь!
 Какое низкое коварство
 Полуживого забавлять,
 Ему подушки поправлять,
 Печально подносить лекарство,
 Вздыхать и думать про себя:
 Когда же черт возьмет тебя!»

Arndt (1963)

“Now that he is in grave condition,
 My uncle, decorous old prune,
 Has earned himself my recognition;
 What could have been more opportune?
 May his idea inspire others;
 But what a bore, I ask you, brothers,
 To tend a patient night and day
 And venture not a step away:
 Is there hypocrisy more glaring
 Than to amuse one all but dead,
 Shake up the pillow for his head,
 Dose him with melancholy bearing,
 And think behind a stifled cough:
 ‘When will the Devil haul you off?’”

Deutsch (1936)

“My uncle’s shown his good intentions
 By falling desperately ill;
 His worth is proved; of all intentions
 Where will you find one better still?
 He’s an example, I’m averring;
 But, God, what boredom – there, unstirring,
 By day, by night, thus to be bid
 To sit beside an invalid!
 Low cunning must assist devotion
 To one who is but half-alive:
 You puff his pillow and contrive
 Amusement while you mix his potion;
 You sigh, and think with furrowed brow –
 ‘Why can’t the devil take you now?’”
 “Why the devil can’t you die?”

Nabokov (1964)

“My uncle has most honest principles:
 when he was taken gravely ill,
 he forced one to respect him
 and nothing better could invent.
 To others his example is a lesson;
 but, good God, what a bore to sit
 by a sick person day and night, not stirring
 a step away!
 What base perfidiousness
 To entertain one half-alive,
 adjust for him his pillows,
 sadly serve him his medicine,
 sigh – and think inwardly
 when will the devil take you?”

Sharer (1996)

“My uncle ought to be respected:
 As soon as he was gravely ill,
 He told his kin they were expected
 To be attentive to his will.
 One must obey when fate is calling.
 But, Lord, what can be more appalling
 Than through the day and through the night
 To be the ailing man’s delight?
 How wearisome and unaesthetic
 To have a helpless patient fed,
 To tiptoe softly round his bed,
 Be sensitive and sympathetic,
 And think, while trying to console:
 ‘When will the devil take your soul?’”

Thomas (2011)

‘Now that my uncle’s truly dying
 He seems more decent than before.
 You have to praise the way he’s trying
 To keep a grip, if nothing more.
 A fine example to us all, but
 The thought of what I face-appalling!
 Sitting with him by day and night,
 Not venturing as step outside!
 What boredom, what a base betrayal,
 To entertain a man half-dead,
 Plump up the pillows by his bed,
 Sigh, with a spoon held to his frail
 Old lips, while thinking to yourself,
 When will the devil take you off!’

